

Одиннадцать лет назад.

Линфа родилась в отдалённой деревне Торал, а её родители держали мастерскую музыкальных инструментов.

В мире баллады Виспвэнз музыкальные инструменты рождались из дыхания.

Их создавала раса, называемая мастерами инструментов. Дыхание представителей данной расы было особенным и превращалось в пламя. Сминая это белое пламя, зовущееся творящим, непосредственно руками, они придавали ему форму музыкальных инструментов.

Считается, что музыкальные инструменты, созданные мастерами инструментов, производили изумительный звук, равных которому не было ни в одном другом мире.

Но даже у мастеров инструментов уходило много лет на то, чтобы превратить дыхание в творящее пламя. Родители Линфы занимались с ней с пяти лет, чтобы вырастить из неё выдающегося производителя музыкальных инструментов.

Однако, будучи непоседой, Линфа часто сбегала с занятий поиграть на улице.

Больше всего она любила площади.

На них располагались маленькие сцены, а барды иногда посещали даже города в глубинке. Площади эти обычно кишели певцами и музыкантами, и Линфе нравилось слушать там разнообразную музыку.

И вот однажды Линфа, как и всегда, сбежала из дома и отправилась на площадь, но там никого не было. Вероятно, потому что она пришла слишком рано.

Однако она услышала песню.

Посмотрев в ту сторону, откуда она доносилась, Линфа увидела поющую на маленькой сцене девочку своего возраста. Линфа прошла к пустым первым рядам, будто зачарованная прекрасным и кристально-чистым голосом этой девочки, который сиял, словно драгоценный камень.

Он был настолько ярким, что Линфа мгновенно стала фанаткой этой девочки. Восхитившись ей, Линфа сама не заметила, как начала вполголоса ей подпевать.

Через какое-то время девочка заметила это и перестала петь.

Линфа открыла рот и, съёжившись, посмотрела на сцену.

Мне конец, – подумала Линфа.

– Давай споем вместе? – девочка протянула ей руку со сцены.

Глаза Линфы округлились от удивления.

– А-а, но... – смущённо начала Линфа. – Я же мастер инструментов.

В Виспвэнзе жило две расы: мастера инструментов, которые имели недюжинный талант в производстве музыкальных инструментов и игре на них, и мастера пения, которые были выдающимися певцами.

Мастера пения имели превосходные голосовые связки, и их тренированные голоса можно было услышать с невероятно огромного расстояния. С другой же стороны, уникальный орган речи мастеров инструментов, который превращал дыхание в творящее пламя, был чувствительным, его интервал[1] легко сбивался, что делало его неподходящим для пения.

По этой причине в Виспвэнзе сложилась давняя традиция, что бардами становились только представители расы мастеров пения, и на сценах пели тоже только они.

Однако девочка сказала:

– И что с того, что ты мастер инструментов?

Не ожидав услышать в ответ такую фразу, Линфа только и могла, что молча смотреть на неё в ответ.

– ...Если я спою на сцене, на меня разозлятся...

– Не переживай, тут никого нет.

Девочка не собиралась убирать руку.

Поняв, что она совершенно серьёзна, Линфа решительно взяла её за руку и поднялась на сцену.

Девочка подала сигнал пальцем, словно взмахнув дирижёрской палочкой, и Линфа громко запела. Её голос разнёсся вдаль, словно резонируя с сияющим голосом этой девочки.

И в этот миг из глубин души Линфы поднялся сильный импульс – нечто, чего она никогда прежде не испытывала. Её сердце громко забилося, а она почувствовала, как её лицо само по себе расплывается в улыбке, пока она поёт.

...Что это за чувство? – спросила Линфа саму себя.

Каждый раз, когда она изо всех сил напрягала голос, этот вопрос понемногу обращался в уверенность.

...Почему я так себя чувствую?

Её душа начала обретать явные очертания.

...Мне весело.

...Петь на сцене так здорово.

Сделав широкий шаг к переду сцены, Линфа напрягла голос так, словно, взметнувшись, он смог бы достичь неба.

...Ещё дальше.

...Я хочу достать как можно дальше.

...Хочу петь всё больше и больше.

Этот импульс бурлил внутри Линфы с такой силой, словно готов был выплеснуться наружу.

Родители говорили ей, что она унаследует мастерскую музыкальных инструментов. И не то чтобы ей это не нравилось, просто она считала это чем-то самым собой разумеющимся. Так как у всех её друзей из числа мастеров инструментов ситуация была аналогичная. Более того, те из мастеров инструментов, кому в будущем была обещана собственная мастерская, были благословлены.

У её родителей были золотые руки, а мастерская музыкальных инструментов получала заказы от многих музыкантов-исполнителей. Если бы она усердно занималась, то все эти связи достались бы Линфе по наследству. У неё было бы обеспеченное будущее.

Но в этот день Линфа повстречала её.

Ради чего она вообще родилась?

В этом смысле...

- А ты клёво поёшь, - сказала эта девочка, пытаясь отдышаться после того, как они закончили петь.

Линфа чётко помнила, насколько та девочка была прекрасна даже тогда, когда обливалась потом.

- Правда?

- Угу.

Эта девочка мягко улыбнулась.

Линфа не могла сдержать своей радости.

- Меня зовут Тета. А тебя?

- Линфа.

- Слушай, Линфа. Давай петь вместе в разных местах после того, как ты когда-нибудь станешь бардом.

Предложение Теты вновь ошарашило Линфу.

Она понимала, что это невозможно, но не могла не спросить:

- ...А смогу ли я стать бардом?

- Я уверена, что сможешь! Ведь я не знаю никого, кто бы пел так, как ты, Линфа.

Тета посмотрела Линфе прямо в глаза. И та смущённо кивнула.

На маленькой сцене на площади, где никого не было, Линфа и Тета соединили согнутые мизинцы. С тех пор они стали вместе заниматься пением всякий раз, когда находили для этого время.

Линфе казалось, что своими песнями она сможет разрушить древний стереотип о том, что мастера инструментов не могут стать бардами. Однако через несколько лет путь ей преградила стена, имя которой реальность.

Тогда-то она и узнала, что не была допущена до экзамена в Академию вокала – учебное заведение для будущих бардов.

Не желая сдаваться, Линфа проникла прямо в зал, где проводился практический экзамен, и попыталась его сдать. Суть экзамена заключалась в том, чтобы твою песню было слышно за километр. Для мастеров инструментов, у которых чем громче был их голос, тем больше их дыхание обращалось в творящее пламя, он был в высшей степени трудным.

Однако Линфа запела изо всех сил, подавляя творящее пламя, и её голос действительно было слышно за километр.

И было это ой как нелегко. Из-за огромной нагрузки на голосовые связки и горло подавленное творящее пламя потекло назад и опалило её горло.

После того, как она закончила петь, Линфу вырвало кровью, и она не смогла встать на ноги.

В итоге она провалила экзамен.

Изначальной причиной недопуска к экзамену было названо то, что она из расы мастеров инструментов. А когда она выразила недовольство, экзаменатор сказал ей:

– Ты сама повредила голосовые связки и горло, после чего тебя даже вырвало кровью, едва твоя песня достигла километрового радиуса. Только вот все прошедшие экзамен представители расы мастеров пения продолжали петь по несколько десятков минут или даже на протяжении целого часа. Раз ты даже на экзамене свалилась, то у тебя нет абсолютно никаких задатков к тому, чтобы стать бардом.

Даже сам недопуск до экзамена был несправедлив. Ей объяснили, что для мастеров инструментов это невозможно, а даже если они и попытаются осуществить это, то лишь серьёзно повредят голосовые связки, как Линфа.

И ведь Линфу действительно вырвало кровью, после чего она просто свалилась.

А с возрастом отличительные черты мастеров пения и мастеров инструментов проявлялись всё более явно. По части голоса Линфа уступала любому представителю расы мастеров пения.

Когда тебе говорят, что у тебя нет способностей, продолжать спор ты больше не сможешь.

Вскоре, когда время года сменилось, а горло Линфы зажило, подошло время поступления в Академию вокала. Молодёжь отдалённой деревушки Торал отправилась в путешествие до столицы, где и располагалась Академия вокала. Одной из них была Тета. Она сумела поступить в академию, став лучшей среди всех.

Перед деревней.

Линфа пришла проводить Тету.

- Как твоё горло? – обеспокоенно спросила Тета.

- Всё ещё немного побаливает, когда я пою, но во время обычного разговора никак не беспокоит, – ответила Линфа.

- ...Прости меня... – с полным самобичевания выражением лица сказала Тета. – Мне было одиноко. В одиночку петь было очень грустно. Все говорят, что у меня есть талант и что я стану бардом, но на сцене я всегда чувствовала себя одинокой. И лишь когда мы пели вместе с тобой, мне было весело. Лишь когда мы были вместе, мне не было страшно, – запинаясь, изливала она свои чувства. – Я ничего не знала, даже о мастерах инструментов... И в день, когда мы с тобой впервые встретилась, я наговорила всяких глупостей...

В её глазах стояли слёзы, а подобный драгоценному камню голос дрожал от печали.

- Тета.

- ...Спасибо, что всё это время делила со мной мою глупую мечту. Но тебе больше не нужно этого делать.

Протянутая Линфой Тете рука вдруг остановилась.

- Теперь я справлюсь сама. Так что тебе больше не нужно так загонять себя.

- ...О чём ты?

- Иначе я больше не смогу петь, – с покрасневшими глазами сказала Тета. – Я больше не смогу петь твои горячо любимые песни.

Линфа медленно опустила протянутую руку.

Несмотря на использование магии исцеления, её горло всё ещё не зажило.

Для становления бардом, ей – мастеру инструментов – нужно было свершить нечто абсурдное. Она думала, что, повредив горло и голосовые связки, больше никогда не сможет петь.

И даже если она каким-то образом сумеет спеть на одном уровне с мастерами пения, не было никаких гарантий, что она станет бардом.

- Забудь о нашем обещании. Ты не сможешь стать бардом, Линфа, - сказала Тета напоследок и ушла.

Линфе только и оставалось, что смотреть ей в спину.

Сказанные с грустью слова Теты о том, что Линфа не сможет стать бардом, вновь и вновь эхом отзывались в её душе.

[1] Интерва́л в музыке — соотношение двух музыкальных звуков по их высоте.

<http://tl.rulate.ru/book/19453/3601971>